

Глава 14. Он колебался, страхась пасть в бездну

Близилась сумерки. Дождь, не утихавший с самого утра, наконец сменился редкой моросью, но на дорогах повсюду стояли глубокие лужи. Лу Синчжэ огляделся по сторонам, прежде чем перевести взгляд на Си Няня:

— Давай найдем место, где можно спокойно поговорить.

Си Нянь, чье положение в индустрии сейчас было крайне щепетильным, не горел желанием быть узанным на публике.

— Напротив есть кофейня, — сухо отозвался он.

Лу Синчжэ слегка приподнял голову. Тень от козырька бейсболки сместилась, открывая взору ярко-алые губы и острый подбородок. Белая спортивная рубашка сидела на нем свободно, подчеркивая худобу и тонкую линию плеч.

— Кофе — это скучно, — бросил он тоном, не терпящим возражений, будто они были старыми приятелями. — К тому же мы уже у твоего подъезда. Не хочешь пригласить гостя?

Си Нянь ответил без колебаний:

— Я отказываю.

Лу Синчжэ, ничуть не смутившись, повел себя как последний наглец. Он похлопал по ноге, всё еще обмотанной марлей, и лукаво прищурился:

— И что мне делать? Нога так разболелась, что я шагу ступить не могу. Если хочешь, тащи меня в кофейню на закорках — я не против.

Си Нянь остался безучастным. В его голосе промелькнула едва заметная ирония:

— Что-то ты не жаловался на боли, пока следил за мной.

— Сидеть в машине — совсем другое дело, — парировал Лу. — Там достаточно давить на газ и тормоз. А вот ходьба — это уже серьезное испытание для поврежденных связок и костей.

Он скрестил руки на груди с видом неисправимого повесы, которого так и подмывало проучить. Си Нянь помолчал несколько секунд, после чего, не проронив ни слова, развернулся и зашагал к дому.

Лу Синчжэ усмехнулся. Сдвинув козырек кепки пониже, он еще раз внимательно осмотрелся, проверяя, нет ли поблизости вездесущих папарацци, и только после этого, прихрамывая, последовал за Си Нянем.

Тот нарочно шел быстро, выбирая запутанные тропинки. Лишь у дверей лифта он обернулся и увидел, что Лу Синчжэ не отстал ни на шаг, держась всего в паре метров позади.

Кабина лифта медленно спускалась с верхних этажей.

Лу Синчжэ подошел и прислонился к стене. Видимо, из-за спешки его дыхание стало тяжелым и прерывистым. Выдохнув, он с улыбкой посмотрел на Си Няня:

— Ты ведь специально кружил по дворам?

Си Нянь, которому было приятно видеть этого нахала в замешательстве, парировал:

— Даже если и так, что с того?

Большую часть времени Лу Синчжэ напоминал улыбчивого лиса, и было трудно понять, когда он злится по-настоящему. Однако в искусстве закулисных интриг ему не было равных.

— Ничего особенного, — отозвался он. — Просто от меня еще никто никогда не уходил.

Лифт прибыл с негромким звонком. Внутри было пусто. Си Нянь вошел и нажал кнопку этажа, как бы невзначай бросив вопрос:

— Выходит, ты папарацци?

Только в этот момент Лу Синчжэ осознал, что так и не раскрыл свою личность и даже не представился официально. Он на мгновение замялся — редкий случай для него, — но затем медленно произнес:

— Считаю так, если тебе удобно.

Он и сам прекрасно знал о своей дурной славе, а потому предпочел уйти от прямого ответа.

Си Нянь остро оберегал свое личное пространство и почти никогда не впускал в дом посторонних. Доставая ключи, он на миг замер, почувствовав, что совершает ошибку, приглашая волка в дом. Слова вертелись на языке, но он так и не произнес их вслух.

Для артиста, чья популярность только начала возрождаться, квартира была довольно

скромной. Лу Синчжэ окинул взглядом лаконичную, почти холодную обстановку гостиной и посмотрел на диван:

— Не возражаешь, если я присяду?

Си Нянь открыл холодильник и достал две бутылки с напитком.

— А если я скажу, что возражаю, ты останешься стоять?

Лу Синчжэ, поудобнее пристроив травмированную ногу, опустился на диван.

— Разумеется, нет.

Си Нянь поставил перед ним банку лимонного чая и сел напротив.

— Говори, что за сделку ты хотел предложить.

Лу Синчжэ подпер голову рукой, внимательно изучая собеседника. Его пальцы мерно поглаживали кончик брови. Яркий свет потолочного светильника падал на него, подчеркивая какую-то неуловимую красоту. Внезапно он стал серьезным, что вызвало у Си Няня чувство дискомфорта.

— Ты в последнее время перешел дорогу слишком многим людям.

Си Нянь устроился поудобнее, и в его мыслях мгновенно всплыло имя:

— Су Гэ?

— Нет, — покачал головой Лу Синчжэ. — Его менеджер. Цзян Лунь уже подкупил немало моих коллег, чтобы те вырыли на тебя компромат.

Су Гэ был всего лишь марионеткой. Настоящую угрозу представлял Цзян Лунь. Он проработал в «Шаньсин Энтертейнмент» почти десять лет, и каждый его подопечный становился звездой первой величины. Одолеть такого противника было непросто.

Си Нянь задумался, стараясь не выдавать своих эмоций. Он откинулся на спинку дивана, закинув ногу на ногу.

«Хорошо, что Система помешала мне разобраться с Су Гэ в тот раз, — пронеслось в его голове, — иначе сегодня это стало бы моей ахиллесовой пятой»

Лу Синчжэ достал из сумки с камерой плотный конверт и помахал им перед глазами Си Няня:

— У меня в руках немало козырей. Вопрос лишь в том, готов ли ты заплатить мою цену.

Тот не сомневался в профессионализме этого папарацци. У него внутри всё замерло от предвкушения — он понял, что в конверте находится нечто действительно весомое. Си Нянь протянул руку, чтобы забрать конверт, но тот не поддался. Подняв взгляд, он встретился с насмешливым взглядом Лу Синчжэ.

На дне глаз Си Няня промелькнула холодная искра. Он перехватил конверт поудобнее, и его пальцы как бы невзначай коснулись прохладной кожи рук Лу Синчжэ. Си Нянь слегка улыбнулся, и эта улыбка заставила бы чье угодно сердце забиться чаще.

— Чтобы понять, какую цену платить, я должен сперва увидеть товар.

Лу Синчжэ посмотрел на их соприкоснувшиеся руки, и его хватка невольно ослабла.

— Я и не говорил, что не дам тебе посмотреть.

Конверт перешел к Си Няню. Внутри оказалась внушительная стопка фотографий — не меньше тридцати снимков. Там были крупные планы рук Су Гэ во время соревнований, скриншоты его постов в блоге с жалобами на «травму», где были видны фальшивые синяки на запястьях, и кое-что еще...

Снимки из гримерки, на которых было отчетливо видно, как Су Гэ намеренно обливает Си Няня кипятком.

Заметив, что тот застыл, Лу Синчжэ принялся вертеть в руках телефон:

— Оригинал видео Цзян Лунь уже уничтожил, но вот удача — у меня осталась копия.

В тот день, после второго тура отборочных, Лу последовал за Си Нянем в раздевалку и случайно подслушал его разговор с Су Гэ. Именно тогда у него закрались сомнения по поводу травмы, а найти доказательства по горячим следам оказалось проще простого.

Су Гэ, мучимый нечистой совестью, долго не решался признаться менеджеру. Когда же правда всплыла, Цзян Лунь действовал молниеносно, зачищая все следы, но опоздал ровно на один шаг.

Популярность Си Няня сейчас шла в гору, и публикация этих материалов стала бы для него мощнейшим рывком вперед, одновременно поставив крест на карьере Су Гэ. Идеальный ход.

Фотографии, казалось, еще пахли типографской краской, а их края были острыми и неприятно кололи пальцы. Си Нянь медленно сложил снимки в ровную стопку. Его натура, привыкшая карабкаться к вершине любыми средствами, брала верх. Он вынужден был признать: эта сделка чертовски заманчива.

Система, боясь, что её подопечный снова свернет на скользкую дорожку, порывалась вмешаться. Но Су Гэ действительно совершил это подлое дело, а значит, доказательства не были сфабрикованы. 009 не имела права препятствовать. Голубой огонек индикатора вспыхнул и тут же погас.

Настенные часы мерно отсчитывали секунды. Казалось, прошла вечность, хотя миновало лишь несколько мгновений. Си Нянь убрал фотографии обратно в конверт, и его голос отчетливо прозвучал в тишине комнаты:

— Назови свою цену.

Лу Синчжэ ожидал такой реакции. Он задумчиво подпер подбородок кулаком и назвал сумму, которая для нынешнего Си Няня была почти неподъемной:

— За видео и снимки — пятьсот тысяч.

Знаменитости действительно зарабатывали много, но это касалось только верхушки айсберга. Обычные артисты тратили огромные суммы на имидж, приемы и взятки нужным людям, едва сводя концы с концами. Си Нянь всё еще жил в съемной квартире, и сейчас для него собрать даже двести тысяч было проблемой, не говоря уже о полумиллионе.

— У меня нет таких денег, — отрезал он.

Лу Синчжэ изобразил на лице сожаление. Он поднялся с дивана и, подавшись вперед, навис над актером. Одна его рука уперлась в спинку дивана рядом с головой Си Няня, другая всё еще сжимала конверт. Его голос стал низким, обволакивающим:

— Мне очень жаль, но тогда я ничем не могу тебе помочь.

Никто в здравом уме не станет разбрасываться выгодой, тем более в индустрии развлечений, где удачный шанс можно ждать годами. Мысли Си Няня на мгновение спутались, но внешне он остался непоколебим. Он перехватил Лу Синчжэ за подбородок, ощущая под пальцами его гладкую, нежную кожу.

— ...Вот как? Но я не вижу в твоих словах искренности.

Они находились слишком близко друг к другу. Их дыхание смешалось, становясь общим. От Си Няня исходил тонкий, едва уловимый аромат — тот самый, который запомнился Лу Синчжэ в

ночь их первой встречи.

Лу намеренно сократил дистанцию еще сильнее. Заметив, что тот на этот раз не отстранился, он усмехнулся:

— Надо же. Я притащился к тебе через полгорода с больной ногой — разве это не доказательство моей искренности?

Си Няню становилось всё труднее сохранять ясность мысли. Жажда славы и власти подталкивала его согласиться, но рассудок велел держаться подальше от этого хитроумного папарацци. Проблема была в том, что никто не мог сказать ему, какой выбор будет верным в этой жизни.

Лу Синчжэ, видя его долгое молчание, пристально посмотрел ему в глаза:

— На самом деле деньги меня не интересуют.

Для папарацци, который живет только ради наживы, эти слова были наглой ложью. Но в этот конкретный момент его интерес к Си Няню действительно перевешивал любую денежную выгоду.

С самого детства Лу Синчжэ никто не учил морали или законам, что и сформировало его своенравный характер. Он привык следовать своим желаниям и не видел ничего предосудительного в том, что его внезапно потянуло к мужчине.

Си Нянь прекрасно понимал подтекст его слов. Его правая рука, сжимавшая конверт, непроизвольно напряглась. Спустя долгое время он поднялся с дивана, глядя Лу Синчжэ прямо в глаза. Его голос стал глубоким и вибрирующим:

— И что же тогда вызывает твой интерес?

Лу Синчжэ медленно склонился к его уху. На таком расстоянии их лица почти соприкасались.

— ...Ты.

Он произнес это слово легко, почти невесомо, но в нем не было привычного издевательства — только редкая, пугающая серьезность.

— Си Нянь, я могу сделать тебя звездой, — прошептал Лу. — Больше никто не посмеет тебя обидеть или облить грязью. Вся та слава, что есть сейчас у Су Гэ, однажды станет твоей.

Каждое его слово, каждый вздох были полны искушения. Когда затих последний звук, в голове Си Няня словно лопнула натянутая струна. Он резко, почти не контролируя себя, схватил Лу Синчжэ за руку и притянул к себе. Их груди столкнулись, и он почувствовал, как бешено колотится сердце собеседника.

Си Нянь знал: это правда.

В прошлой жизни именно этот человек возвел его на пьедестал, хотя позже он же сбросил его оттуда с особой жестокостью.

Си Нянь убеждал себя, что забыл об этом, но только сегодня осознал — эта заноза всё еще сидит в его сердце, превратившись в неразрывные оковы.

Лу Синчжэ не ожидал такого порыва. Оказавшись в кольце обжигающего тепла, исходящего от мужчины, он на мгновение растерялся. Его уши заметно покраснели.

Он опустил взгляд, и длинные ресницы отбросили густую тень на его щеки. Спустя мгновение он снова посмотрел на Си Няня, и в его голосе прозвучало нечто, похожее на клятву:

— Си Нянь, я никогда не причиню тебе вреда.

<http://bllate.org/book/15807/1427255>